

Становление гражданского общества в России

**ЭВОЛЮЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
(НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ)**

Е.В. Михайлова

*Электронная научная библиотека
по гражданскому обществу (www.civisbook.ru),*

А.П. Скогорев

Российский государственный социальный университет

Аннотация: *Статья является заключительной в цикле научных работ по трёхгодичному проекту, посвящённому репрезентации проблем гражданского общества в современной России. Применение элементов дискурс-анализа современных СМИ позволяет отразить основные проблемы взаимоотношений между властью и институтами гражданского общества — в данном случае внимание уделяется некоммерческим организациям, прежде всего формирующим образ гражданского общества.*

Ключевые слова: *гражданское общество, эволюция, некоммерческие организации, СМИ.*

Современное развитие третьего сектора в России представляет существенный интерес для исследователей не только потому, что именно НКО, прежде всего, формируют образ гражданского общества, но и ввиду очевидной многоплановости и неоднозначности этого процесса. В медийном пространстве третий сектор представлен некоммерческими организациями трех видов: получающими поддержку от государства и позитивно настроенными по отношению к власти; правозащитными и политическими НКО в статусе «иностранных агентов», критикующими власть, как минимум, по поводу закона об НКО; нейтральными по отношению к государству, существующими параллельно государству (прежде всего, благотворительными НКО).

В большинстве из рассмотренных изданий¹ обращает на себя внимание высокая частотность лексических единиц, характеризующих давление, оказываемое на НКО со стороны го-

¹ Материалом настоящего исследования стали публикации в СМИ, принадлежащих к различным фрагментам общественно-политического спектра — «Коммерсант», «Ведомости», «Российская газета», «Новая газета», «Труд», «Советская Россия», «Правда», «Lenta.ru» и «РБК».

сударства. Ключевой тематической рамкой данного дискурса принуждения, выходящей на первое место по значимости в большинстве рассмотренных СМИ является законодательная и правоприменительная, связанная с «законом об иностранных агентах».

Принятый в 2012 году, закон об НКО — иностранных агентах² немедленно вызвал и продолжает вызывать острую критику со стороны правозащитного сообщества, неоднократно заявлявшего, что понятие «политическая деятельность» в документе трактуется чрезвычайно широко, а его главная норма позволяет включить в реестр любую НКО.

- *Да, этим законом нас — НКО и всю страну — «спускают с лестницы». [...] такой законопроект — это заговор против России, провокация* [Альтшуллер 2016].

- *Уточнение», предлагаемое Минюстом, относит к участникам политической деятельности вообще всех, кто занимается «оказанием влияния на решения и действия государственных органов и органов местного самоуправления... [...] под «политическую деятельность» уверенно подводится практически все* [Вишневецкий 2016].

- *Именно ярлык «иностранный агент» оскорбляет правозащитника: «Дело даже не в термине и не в том, как он воспринимается. Я не понимаю, каким образом государство может меня обязать как-то там представляться. До этого не додумалась даже средневековая инквизиция — никто не лишил признанного колдуном человека права сказать, что он невиновен. А у нас без суда государственные органы получили возможность принуждать людей, как себя называть»* [Зотова 2016].

В 2015 году В. Путин дал поручение конкретизировать понятие «политическая деятельность», заявив, что определение «не должно быть резиновым» и что «под эту сурдинку» нельзя «подгонять все, что нравится представителям власти» [Галимова 2016]. Весной 2016 г. Госдума рассматривала поправки, уточняющие, какие некоммерческие организации считать политическими: *Согласно поправкам, политическая деятельность проявляется в участии в митингах и шествиях, в деятельности, направленной «на получение результата на выборах» или в референдуме. Сюда же относится наблюдение за проведением выборов, референдума, участие в формировании избирательных комиссий, а также в работе партий. Политикой НКО занимается и в тех случаях, когда публично обращается к госорганам об «отмене законов или правовых актов», а также выступает с оценками госполитики страны, пытается воздействовать на взгляды россиян путём соцопросов* [Замахина 2016а].

Таким образом, понятие политической деятельности — один из пунктов, по которому между властью и правозащитниками идёт псевдиалог. [...] Эксперты не исключают, что спор будет бесконечным, потому что стороны хотят определить не столько признаки политической деятельности, сколько круг лиц, которым можно разрешить ею заниматься [Хамраев 2016].

Впрочем, сами же правозащитники знают, что закон об НКО — иностранных агентах носит инструментальный характер, он призван блокировать деятельность неудобных организаций, а потому улучшить его невозможно [Эппле 2016].

Первыми организациями, принудительно включёнными Минюстом в реестр иностранных агентов, стали Ассоциация «Голос» и международная правозащитная организация «Мемориал»³: В июле 2015 года Совет Федерации обнаружил так называемый патриотический

² Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» С изменениями и дополнениями от 21 февраля, 04 июня 2014 г. Доступно: <http://base.garant.ru/70204242/>. — Проверено: 07.01.2017.

³ Сегодня в международное общество «Мемориал» входят 74 организации, 10 из них действуют за пределами России. Многие занимаются только историко-просветительской работой; другие — в основном правозащитой. Некоторые совмещают оба направления. Часть из этих организаций по-прежнему является союзами активистов, работающих сугубо на волонтерских началах. Знаменитая акция «Возвращение имён» — это тоже одна из

стоп-лист, в который вошли 12 зарубежных неправительственных организаций: *институт «Открытое общество» (фонд Сороса), Национальный фонд демократии, Международный республиканский институт, Национальный демократический институт по международным вопросам, Фонд Макартуров, Фридомхаус, Фонд Чарльза Стюарта Мотта, Фонд образования для демократии, Восточно-европейский демократический центр, Всемирный конгресс украинцев, Украинский всемирный координационный совет и Крымская полевая миссия по правам человека* [Редакция 2016а].

Особо внимания заслуживают материалы, в которых обсуждается ситуация вокруг «Левада-центра», внесённого в список «иностранных агентов» осенью 2016 г. Она стала не только своеобразной точкой мобилизации для профессионального сообщества социологов и поллстеров как части гражданского общества, но и предметом борьбы дискурсов. В либеральных изданиях прослеживается чёткий критический настрой публикаций, обусловленный солидарной позицией социологов: *Новая атака на «Левада-центр» ...вызвала волну справедливых протестов со стороны людей разной идеологической ориентации, друзей центра, его конкурентов и противников. Формальным основанием для атаки стал безумный закон, который карает за то, за что следует награждать: если Россия хочет иметь сильную науку, то вот исследователи, которые работают с серьёзным зарубежным партнёром (в Университете Висконсина традиционно сильная социология). Хуже того, закон объявляет «политическую деятельность» чем-то неприглядным ровно в тот момент, когда страна так нуждается в пробуждении интереса к политике и любое НКО, готовое изучать устройство политической жизни в России, заслуживает всяческого поощрения»* [Юдин 2016]. Директор «Левада-центра» Лев Гудков...отметил, что признание центра «иностранным агентом» крайне осложняет его работу в России, а в широком смысле — **толкает страну на путь превращения в «резервацию бедного и агрессивного населения, утешающего себя иллюзиями национального превосходства и исключительности»** [Редакция 2016б]. ВЦИОМ, ФОМ и другие исследователи общественного мнения **не согласны** с включением «Левада-центра» в список НКО — иностранных агентов и считают необходимым пересмотреть это решение. Об этом говорится в заявлении Объединения исследователей рынка и общественного мнения (ОИРОМ) [Мухаметшина 2016а]. И если «правозащитники считают, что на «Левада-центр» перед выборами в Госдуму оказывается давление, чтобы он «свернул исследования по выборам», то председатель комитета Совета федерации по международным делам К. Косачев отмечает, что за последние два года зарубежные источники перечислили «Левада-центру» более 300 млн руб. *«Источники эти — не очень понятные организации из США, Великобритании, ФРГ, Норвегии, Литвы и других государств, не отличающихся любовью к России...»*.

Поэтому, по мнению К. Косачева, решение Минюста *«адекватно интересам гражданского общества и интересам политического процесса в России»* [Редакция 2016в]. В Министерстве юстиции России объяснили, что *«...названная организация финансируется за счёт иностранных источников, и участвует, в том числе, в их интересах в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации, путём подготовки и распространения, в том числе с использованием современных информационных технологий, мнений о принимаемых государственными органами решениях и проводимой ими политике, а также формирования общественно-политических взглядов и убеждений»* [Орлов 2016]. В качестве примеров участия центра в политике Минюст приводит восемь выступлений руководителей центра. Так, в октябре 2014 года Гудков на IV сессии Конгресса интеллигенции представил доклад **«Парадокс успеха аморальной власти: насилие и добровольная безот-**

инициатив «Мемориала»: ежегодно 30 октября в День памяти жертв политических репрессий люди приходят к Соловецкому камню в Москве (или на одну из центральных площадей в своем городе) и читают вслух имена репрессированных.

ветственность», где, как указывает Минюст, *он распространяет мнение о «действующей системе власти как мафиозной и коррумпированной»*. «Власть описывается всегда, во всех случаях, когда мы просим назвать типичные черты нашего депутата, политика, представителя власти, первые позиции занимают ответы: **наглые, бесчестные, неэффективные, некомпетентные, коррумпированные, ставящие себя над законом, над властью, аморальные, скудоумные и т. п.**». «Дётся длинный список малосимпатичных определений. Такие характеристики дают от 45 % респондентов и ниже», — приводит Минюст цитату из выступления Гудкова. Не устроило Минюст и мнение Гудкова о политическом устройстве России, высказанное им во время чтения лекции в июле 2016 года, «**как о закрытой авторитарной системе, где власть опирается на силовые структуры, спецслужбы, олигархов, государственных чиновников, бюрократию и представляет их интересы**» [Мухаметшина 2016б].

В ряде публикаций отмечается усиление давления на НКО, уже попавших в реестр «иностранных агентов». По словам руководителя юридической службы Клуба юристов НКО Максима Оленичева, *власти стали применять ранее не работавшие нормы закона, к примеру, штрафовать агентов за несвоевременное предоставление отчётности — эти штрафы в 60 раз больше, чем у обычных НКО*. Кроме того, власти начали усиливать персональное давление на лидеров и активистов НКО. Об этом говорится в ежегодном докладе Клуба юристов НКО о деятельности организаций, признанных иностранными агентами. *Среди подвергшихся такому давлению — основатель «Голоса» Лилия Шибанова, руководитель «Голоса-Поволжье» Людмила Кузьмина и руководитель союза «Женщины Дона» Валентина Череватенко, которая может стать первым руководителем НКО, привлечённым к уголовной ответственности за злостное уклонение от исполнения закона об иностранных агентах* [Мухаметшина 2016в].

Данная правоприменительная практика вызвала широкий общественный резонанс, в том числе и международный. В конце декабря 2016 г. Госдепартамент США призвал правительство России «уже сегодня» отменить закон об НКО — иностранных агентах и придерживаться ранее взятых обязательств по соблюдению международных норм в области прав человека. В госдепартаменте считают, что термин «иностранный агент» избран намеренно, чтобы создать впечатление, что эти НКО являются предателями. «**В реальности, используя этот закон, российское государство преследовало организации, которые занимаются противодействием пыткам, профилактикой распространения ВИЧ-инфекции и даже защитой перелётных птиц**», — говорится в заявлении. Госдеп призвал Россию отменить этот закон, поскольку считает, «**что народ России заслуживает, чтобы у него было сильное и демократическое правительство, которое будет уважать роль гражданского общества в борьбе за подотчётность действий властей и не будет стараться душить важную работу НКО**» [Редакция 2016г].

Закон об «иностранных агентах» является одним из наиболее часто упоминаемых в контексте законодательной и правоприменительной деятельности по отношению к гражданскому обществу. Однако, помимо однозначно негативного контекста упоминания закона (внесение некоммерческих организаций в реестр иноагентов), есть и некоторые изменения, связанные, прежде всего, с деятельностью Совета по правам человека при Президенте РФ. Например, в декабре 2016 г. Президент распорядился рассмотреть вопрос правоприменительной практики закона об иностранных агентах в отношении экологических организаций, удовлетворив просьбу главы президентского Совета по правам человека Михаила Федотова, по мнению которого, некоторые НКО могли попасть в перечень «**по рьяности ума**». Путин отметил, что около трети организаций, внесённых в реестр иноагентов, — экологические, хотя в законе прописано, что охрана природы не относится к политической деятельности.

Причина этого, по словам Федорова, кроется в том, что *«проще и дешевле включить экологическую НКО в реестр, чем решать поднятые ею природоохранные проблемы»*.

Месяцем раньше Председатель Совета Федерации В. Матвиенко высказала точку зрения, что если ряд резонансных законов, например, об НКО-иностранных агентах, воспринимается в обществе как «закручивание гаек», то *это является следствием «серьёзной недоработки власти»* [Редакция 2016д].

Кроме того, Совет Федерации сообщил, что пока *не планирует расширять стоп-лист зарубежных некоммерческих организаций (НКО)*, которые могут угрожать национальной безопасности России. *«Мы берём своеобразную паузу...»*, — сказал зампред комитета СФ по международным делам Андрей Климов. Вместе с тем он отметил, что полный отказ от этого инструмента не планируется [Редакция 2016а].

Как это ни странно, на первый взгляд, действия власти по отношению к «иноагентам» оказались созвучны риторике оппозиционных изданий: *Расцветившие в России пышным цветом в 90-е годы на деньги западных фондов различные неправительственные и некоммерческие организации вынуждены были значительно свернуть свою деятельность в конце нулевых годов этого столетия в связи с осознанием российской властью исходящей от них угрозы.[...] Национальный фонд за демократию (NED)... активно участвовал в деятельности «гражданского общества» России вплоть до лета 2015 года. Именно NED был создателем таких известных организаций-близнецов, без которых не прошла ни одна из «цветных революций», как «Отпор» в Сербии (активный участник кампании по свержению Милошевича в 2000 году), «Кмара» в Грузии (помогавшая Саакашвили в приходе к власти), «Пора» на Украине (активный участник «оранжевой революции» 2004 года, позднее трансформировавшаяся в «Опору» — со схожими задачами), российское молодёжное движение «Оборона» (позднее вошедшее в Объединённое демократическое движение «Солидарность»)* [Дудчак 2016].

Применение властью закона «Об иностранных агентах» самым негативным образом сказалось на такой важнейшей социальной проблеме, как борьба с ВИЧ. В 2016 году сразу восемь некоммерческих организаций, занимающихся борьбой с ВИЧ, были внесены Минюстом в реестр «иностранных агентов». Первой из них была НКО «Социум» из города Энгельс в Саратовской области, затем — некоммерческое партнерство «Эсверо», объединяющее 14 российских НКО. Вслед за этим в реестр попали НКО «Панацея» (город Кузнецк, Пензенская область), «Эра здоровье» (Екатеринбург), «Сибальт» (Омск) и московский Фонд имени Андрея Рылькова.

Анализируя эту проблему, необходимо отметить, что с конца 2000-х Россия последовательно вытесняла не только западное финансирование из сферы борьбы с распространением ВИЧ (не заменяя иностранные деньги российскими), но и западный опыт снижения вреда. Отечественный подход отводит главную роль пропаганде семейных и морально-нравственных ценностей — делу, безусловно, важному, но вряд ли эффективному в качестве основного способа противостояния распространению ВИЧ. Невысокую эффективность подобного подхода наглядно подтверждает официальная статистика: *2015 г. в 20 российских регионах эпидемия ВИЧ достигла высшей, генерализованной стадии — вирус укоренился во всех социальных группах и его распространение уже мало зависит от групп риска (ежегодно порядка 40 % случаев новых заражений происходит в гетеросексуальном контакте). А динамика прироста новых случаев — 10–12 % ежегодно — даёт основания опасаться эпидемии на всей территории России уже к 2021 г., если ничего не менять. Но в проекте государственной стратегии борьбы с ВИЧ до 2020 (!) г., который всё ещё находится на согласовании, по-прежнему есть слова про мораль и нравственность и нет ничего про раздачу презервативов* [Железнова 2016]. Пензенской региональной общественной организации по профи-

лактике негативных явлений среди молодёжи «Панацея» пришлось подать в Минюст заявление о самоликвидации после того, как прокуратура потребовала от НКО встать на учёт в качестве иностранного агента. В исковом заявлении прокурор А. Аношин указал, что деятельность НКО по раздаче презервативов и шприцев «...**вступает в серьёзное противоречие с государственной политикой в сфере профилактики наркомании и СПИДа**». На этом основании прокурор счёл работу организации не гуманитарным, а идеологическим и политическим проектом [Редакция 2016е].

Действия врачей «Ассоциация медицинских работников Чапаевска» по профилактике ВИЧ Минюст назвал «**противоречащими национальным интересам России**». А в качестве политической деятельности руководителю организации О. Сергееву вменили его членство в совете НКО при Самарской губернской думе и участие в заседаниях двух комиссий — по физкультуре и здоровому образу жизни и по оказанию социальных услуг населению [Репринцева 2016].

Очевидно, что чиновники от медицины используют «Закон об иноагентах» в качестве инструмента в своем стремлении идти особым путём в борьбе с распространением ВИЧ, игнорируя при этом увеличивающуюся опасность для общественного здоровья.

Необходимо отметить, что при описании и анализе всего, что связано с Законом об иностранных агентах и определением политической деятельности, либеральную прессу отличают резко негативные коннотации: ...**агрессивная зачистка** **грунтового ландшафта России, изгнание из него иностранных или международных фондов** — не что иное, как классическая для России **централизация и вертикализация** этого поля, **дающая власти дополнительные рычаги** влияния на ситуацию и обеспечение нужного себе политического результата [Полянин 2016] ...

- ...речь идёт не о случайных перегибах на местах или неверно понятой исполнителями директивы из центра, а о **планомерном и последовательном выдавливании** из легального пространства неподконтрольных Кремлю общественных организаций [Эйсмонт 2016].

- **Ожидаемый эффект** от внесения в список иностранных агентов все новых организаций **заключается в запугивании**. [...] **Критически настроенные социологи** (а что за социолог, если он не настроен критически — с первых лекций студентов-социологов призывают ничего не принимать за само собой разумеющееся) **представляют прямую угрозу государю**. Хотя бы тем, что пытаются получить достоверную информацию о настроениях подданных, тем самым затрудняя ложь и обман... [...] «**Зачищая» критическую социологию**, государь не только не сможет благоустроить государство, что приведёт к увеличению числа врагов, но и окажется лишённым достоверной информации о силе противодействия врагов своей воле [Олейник 2016].

- «В Москве в четвёртый раз прошёл Общероссийский гражданский форум (ОГФ) — на фоне **разгромленного гражданского общества** и уже **десятков НКО, которым выдали волчьи билеты иностранных агентов**. В реальности гражданское общество отступает уже много лет и несёт **тяжёлые потери** — **лучшие и самые работоспособные НКО**, которые в другой ситуации могли бы стать проводниками реформ и реальной опорой демократического режима, **выбиваются**. России оказываются не нужны ни наблюдатели на выборах, ни организации, борющиеся за гуманизацию пенитенциарной системы, ни независимая социология. Стране не нужно знать, какая она на самом деле, — от этого зрелища лучше отвернуться. Одна из печальных функций ОГФ за прошедшие годы свелась к тому, чтобы фиксировать этапы этого отступления» [Мартынов 2016].

- «Перед НКО-агентами стоит очень тяжёлый **выбор**: **принимать сложившуюся ситуацию** ради того, чтобы делать что-то важное и полезное, или **отказаться от институционализированной деятельности, уйти в формат диссидентской активности**. Пока по-

чти все, кто может (естественно, в Москве и Питере, не в провинции), выбирают первый вариант, — говорит Сергей Лукашевский из Сахаровского центра. — Я не пессимист. Я считаю, НКО — это лучшее, что удалось обществу за 25 лет. У них есть потенциал создавать новое будущее. Даже сейчас, даже в этих условиях» [Эйсмонт 2016].

Таким образом, как и в предыдущие годы, номинация «иностранный агент» продолжает восприниматься гражданским обществом резко негативно: требование о регистрации НКО в качестве «иностранных агентов» нарушает конституционные права граждан и общественных организаций на равенство перед законом, на свободу слова, принципы идеологического и политического плюрализма; определение «иностранный агент» является оскорбительным и вызывает негативные ассоциации. К тому же признание НКО иностранным агентом влечёт дополнительные проверки и зачастую необоснованные претензии органов власти [Бардин, Кокарева, Михайлова 2014: 134]. Ужесточение регулирования и правоприменения уже в обозримом будущем может привести к сокращению числа НКО и миграции активистов в неформальные группы и клубы; *«государственная» вертикаль гражданского общества снизит его разнообразие и эффективность* [Редакция 2016ё]. В целом, большая часть медийного поля солидаризируется в оценке закона с докладом «Иностранные агенты: 4 года спустя» Клуба юристов НКО, в котором проанализирована практика применения закона и сделан вывод, что закон невозможно улучшить: *«Он должен быть отменен, поскольку ведёт к уничтожению гражданского общества в России»* [Эйсмонт 2016].

Введение системной государственной поддержки НКО стало одной из составляющих общего процесса расширения влияния государства на различные сферы жизни общества. Начиная с 2006 года, президентские гранты ежегодно распределяются среди некоммерческих организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества. При этом в качестве противовеса усилению давления со стороны государства на «нежелательные» политические НКО, была увеличена поддержка организаций, действующих в рамках официальных и неформальных рекомендаций власти. *Власть, конечно же, всегда заявляет о поддержке гражданского общества и даже помогает ему финансово — переформатируя в процессе распределения грантов систему НКО в сторону патриотизма и социальных услуг* [Редакция 2016ё].

Весной 2016 г. В. Путин распорядился выделить ряду правозащитных некоммерческих неправительственных организаций субсидий более чем на 4,5 миллиарда рублей. Деньги получили организации, участвующие в развитии институтов гражданского общества, *реализующие социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина*. В списке девять НКО. В их числе — Союз женщин России, движение «Гражданское дело», Национальный благотворительный фонд, Союз пенсионеров России, Российский союз ректоров, Российский союз молодёжи, «Лига здоровья нации», фонд «Перспектива» и фонд «Покров» [Редакция 2016ж]. Итоги последнего в 2016 г. конкурса вызвали у общественности удивление, а иногда и насмешку. *Гранты выделены... на такие проекты, как мотоциклетные паломничества «Ночных волков», «погружение подростков в казачью среду» и развитие «пророссийски настроенного гражданского общества» в Крыму. Крупнейший грант — 12,3 млн руб. — выиграла НКО «Открытое пространство» на проведение фестиваля детского танца «Светлана» (его организует прима-балерина Большого театра Светлана Захарова). Ещё 10 млн руб. выделено на проведение фестиваля «Золотая маска» — премии за лучшие спектакли российских театров. А Союз журналистов на 7,5 млн руб. проведёт «Благотворительный бал прессы» в целях «содействия формированию культуры честной и ответственной журналистики». Ассоциация «Добровольная молодёжная дружина» за 5 млн руб. займётся созданием молодёжного образовательного проекта «Сеть». Себя они описывают как «лидеров общественного мнения, разделяющих новый политический*

курс Владимира Путина». Организация содействия развитию регионов Севера «Великий север» за 3,5 млн руб. займётся «развитием и укреплением в Крыму пророссийски настроенного гражданского общества» [Корченкова, Гробман 2016].

В основном активисты, как указано в документах, займутся «формированием положительного имиджа России за рубежом». В 2016-м пробегами ударят по антироссийским настроениям. Например, 3 млн руб. получило «Боевое братство», активисты которого проедут от Калининграда до острова Русский, попутно представляя спектакль о подвиге молодоговардейцев. Ещё 3 млн руб. получил традиционный участник программ президентских грантов — мотоклуб «Ночные волки». Деньги потратят на проект под названием «Славянский мир»: байкеры собираются проводить «мотоциклетные и автомобильные паломничества и пробеги, направленные на единение братских славянских народов путём общественной дипломатии» [Редакция 2016з].

Президент Института проблем гражданского общества Мария Слободская уверена в том, что на деле такие акции результатов не приносят. *Когда куча бодрых здоровых мужиков гоняются по Европе на деньги российских налогоплательщиков, это довольно сильно раздражает общественное мнение. Я, например, всегда выступала за то, чтобы деньги в рамках грантовых программ выдавались на конкретные социально значимые проекты с осязательным результатом. Пробег — это профуканные деньги. Я, честно говоря, с приходом Кириенко возлагаю надежды на какое-то изменение практики этого дела в сторону, конечно, неизмеримо большей социальной осмысленности.*

Отметим, что грант не получил Союз комитетов солдатских матерей России: их проект был направлен против насилия и унижения призывников. Не дали денег и признанному иностранным агентом правозащитному центру «Мемориал»: они собирались, в частности, защищать права призывников, оказывать бесплатные юридические консультации беженцам и трудовым мигрантам и увековечить память жертв политических репрессий [Редакция 2016з]. Общее мнение большинства оппозиционных изданий по поводу распределения президентских грантов выразил один из авторов газеты «Ведомости»: *«Происходит процесс замещения гражданского общества — независимые организации должны умереть, а все большие президентских грантов выделяется на НКО, имитирующие гражданское общество» [Мухаметшина 2016в].*

Проблематика социально-ориентированных некоммерческих организаций доминирует в подборках «Российской газеты». Причём, в материалах отчётливо прослеживается патерналистский дискурс. *Российское общество демонстрирует большую зрелость, о чем свидетельствует рост числа желающих принять участие в работе некоммерческих организаций и движения волонтеров [...] Во всех регионах России все больше граждан включаются в волонтерскую деятельность, деятельность НКО [...] Однако гражданскому обществу необходима помощь государства. Президент пояснил, что особенно нужны меры поддержки тем организациям, которые помогают людям с ограниченными возможностями, семьям с детьми-инвалидами» [Замахина 2016б].*

- Роль некоммерческих организаций в России ещё слишком мала, и их право получать бюджетные средства важно для более эффективной работы в области социальной поддержки граждан. Об этом в четверг заявил первый заместитель руководителя администрации президента Сергей Кириенко [Политов 2016].

- Сотни тысяч добровольцев сегодня помогают нуждающимся в больницах, хосписах, других социальных учреждениях. **Один из важных приоритетов — дальнейшее расширение деятельности социальных некоммерческих организаций...** [Исаев 2016]

В декабрьском 2016 г. послании Федеральному собранию В. Путин предложил установить для некоммерческих организаций, «которые зарекомендовали себя как безупречные

партнёры государства», статус НКО-исполнителя общественно полезных услуг, предоставить им ряд льгот и преференций и распределять в их пользу до 10 процентов средств, выделяемых на региональные и муниципальные социальные программы, чтобы НКО могли участвовать в оказании услуг, финансируемых за счёт бюджета [Послание Президента Федеральному Собранию 2016].

Стоит отметить, что резерв возможностей для деятельности социально-ориентированных НКО выглядит весьма внушительно: *по оценкам секретаря Общественной палаты Александра Бречалова, из примерно 227 тысяч зарегистрированных в стране некоммерческих организаций социально ориентированных не более 15 процентов* [Ушакова 2016]. В целом же, в ...*третьем секторе экономики задействованы около 1 млн граждан. А резервные возможности — это около 10 млн рабочих мест* [Замахина 2016б].

Но при реализации ряда проектов неожиданно проявляются «подводные камни». Так государство готово выделять средства социально ориентированным НКО на программы по поддержке семей. Объявляются конкурсы, по результатам которых победители, получившие соцзаказ, могут рассчитывать на компенсацию расходов. Существует реестр поставщиков социальных услуг, который тоже предполагает получение финансов от государства. Но по словам президента фонда «Волонтёры в помощь детям-сиротам» Елены Альшанской *«В реальности ничего из этого не работает...»* [...] *неподъемные условия выполнения конкурсного заказа заставили отказаться от участия в конкурсе ее фонд и подобные организации. Войти в реестр поставщиков соцуслуг тоже невозможно. Все упирается в региональные стандарты предоставления госуслуг, которые фактически описывают работу госорганов. А общественники делают эту же работу по-другому. Например, не 15 минут знакомятся с семьёй, а несколько дней тратят на установление контакта* [Барабаш].

Кроме того, при расширении состава и увеличении финансирования социально-ориентированных НКО особую актуальность приобретает проблема их информационной прозрачности. Российское представительство международного центра антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл – Россия» (ТИ-Р) выступило с докладом об информационной прозрачности российских некоммерческих организаций. Было проанализировано около 200 некоммерческих организаций, получивших самые крупные президентские гранты, и сопоставлена информационная наполненность и доступность сайтов тех НКО, которым досталась поддержка на проекты с самым большим бюджетом. *Связи между суммой грантов и информационной открытостью организации авторы исследования не обнаружили. Это позволяет сделать вывод, что при распределении государственных средств через президентские гранты грантооператоры не берут во внимание способность НКО делиться информацией о своей деятельности публично, отмечают авторы доклад. А поскольку роль НКО и социально ориентированных организаций в ближайшее время будет только возрастать, должен расти и уровень их открытости перед обществом, уверен председатель комитета Госдумы по делам общественных объединений и религиозных организаций Ярослав Нилов (ЛДПР)* [Козлов 2016].

Тема развития благотворительности в России является второй по числу упоминаний в рассмотренных СМИ. Следовательно, в фокусе внимания журналистов находятся и организации, занимающиеся этой деятельностью. *«„Особой приметой нашего времени“ Путин назвал широкое вовлечение граждан в благотворительные акции и поручил Общественной палате и АСИ заняться поддержкой волонтерских и общественных движений. С таким же призывом он обратился к губернаторам и муниципальной власти. На реализацию соцпроектов выделяются средства, но руководители предпочитают отдавать их классово-близким муниципальным и унитарным предприятиям. „Я прошу вас, не жадничайте“, — обратился к аудитории Путин»* [Ушакова, Корниенко, Карпов, Селезнев 2016]. В России последних

лет — *бум благотворительности. Главный адресат благотворительности — дети.* Работают не только фонды, которые занимаются сборами средств на лечение больных детей, но и специальные, занятые решением проблемы на социальном уровне, меняющие среду: фонды, решающие проблемы аутизма, устройства в семью, оказания помощи в трудной ситуации [Осс 2016]. Совсем недавно, десять лет назад благотворительные фонды вызывали недоверие у россиян: пожертвования делали от силы 20 % населения, а филантропия была делом больших бизнесов и их богатых владельцев. *Согласно исследованию фонда «САФ Россия», в 2015 г. 50 % экономически активного населения России (44,5 млн человек) совершали денежные пожертвования благотворительным организациям, а в 2014 г. — 41 % (33 млн человек). Растёт и объём жертвований. [...] В сфере благотворительности выделилась даже особая когорта фондов, которые работают преимущественно с деньгами мелких жертвователей. Всего, по данным Минюста, в стране сейчас насчитывается 1684 благотворительных института* [Романова 2016].

И хотя заметных технологических решений, облегчающих филантропию, в России пока так и не появилось, по данным Charities Aid Foundation, британской НКО, работающей в России с 1993 г., число волонтеров выросло более чем в два раза за последний год.

Тематическая рамка благотворительности также является предметом борьбы дискурсов в медийном пространстве.

- *...когда на практике государство коррумпировано и неэффективно, провалы государства корректируются благотворительностью, т. е. за счёт граждан. В этом проявляется сплочённость гражданского общества, особенно когда политические свободы ограничены.*

- *Небывалый рост фондов и инициатив, помогающих детям, старикам, бездомным животным, распространение волонтерских движений — это для нас одновременно и хорошие, и плохие новости. Плохие — потому что мы сами делаем за государство его работу, разочаровавшись в его дееспособности. Хорошие — потому что гражданское общество у нас все-таки есть* [Бувев 2016].

По мнению журналиста Федора Гаврилова, наблюдающего за работой петербургских НКО с середины 90-х, *формы благотворительности*, преобладающие в России, и через несколько десятилетий постсоветского развития остаются *варварскими*. «*Варварство* обладает многими симпатичными чертами в сравнении с цивилизованной жизнью — например, его отличает *искренность, непосредственность, эмоциональность*, — поясняет он. — *Люди поддаются сердечному порыву — помогать, не долго думая о том, правильно ли они действуют*». Но *сердце — не лучший советчик, когда речь идёт о решении масштабных, системных гуманитарных проблем* [Кром 2016].

- *Грехи государства отмаливает общество, пытаясь самостоятельно хотя бы частично компенсировать прорехи в бюджете российского здравоохранения. Казалось бы, доходы падают и у большинства благотворителей — таких же людей, как и те, в чьи семьи пришло несчастье. Однако статистика благотворительных поступлений от физических лиц на благотворительные цели отнюдь не сокращается...*

Падение доходов не отвратило нас от благотворительности [Смирнов 2016].

Пару лет назад вице-премьер Ольга Голодец выступила с критикой благотворителей, которые собирают деньги на то, что и так должно финансировать государство. Тогда это вызвало бурные дискуссии среди некоммерческих организаций и властных структур. Но *если раньше чиновники воспринимали активность гражданского общества как неуместное вмешательство в их дела, сегодня эта ситуация, похоже, начинает им нравиться. Граждане на свои средства ремонтируют городские дороги и обустривают дворы, закупают лекарства для больницы, содержат сиротские учреждения и дома престарелых.*

«Благотворительность развращает государство, — уверен Александр Саверский. — Мы сейчас это наблюдаем во многих сегментах. Если мы говорим о закупке лекарств — тут пациент ещё может побороться, обратиться в суд. А патронаж? Больной лежит дома один, а государство ему и не собирается помогать, потому как законом это не предусмотрено. Однако чиновники, отсылая людей в благотворительные фонды, иезуитствуют. Ведь по закону благотворители сейчас ничем и никому не обязаны. Сегодня захотели — помогли, завтра — нет. Задача фондов — заставить работать государство, а не работать вместо него. Иначе это бессмыслица и путь в никуда» [Гранина 2016].

Рост благотворительности неизбежно проявил проблему, связанную с мотивацией этой деятельности: *...есть два типа добровольческой деятельности. Первый — когда эта деятельность имеет истинную мотивацию: например, спасти людей или собирать деньги на лечение больного ребёнка. И второй — когда, прикрываясь этой мотивацией, можно заниматься коммерцией* [Выжutowич 2016]. В этом контексте трудно не вспомнить трагически погибшую доктора Лизу (Елизавету Глинку), работа которой может считаться «золотым стандартом благотворительности»: *Иногда складывалось впечатление, что Елизавета занималась сразу всем — она работала с таким социально неблагополучным элементом, к которому многие люди даже не подойдут, а она и ее фонд «Справедливая помощь» лечили их, отмывали, возвращали человеческую личность и в прямом смысле слова, и юридически — помогали с документами, а многим, кому было уже трудно помочь, помогали дожить жизнь. Она работала на самом тяжёлом участке милосердия — с самыми пропавшими людьми, с самыми неблагополучными, с самыми больными и умирающими, которым, возможно, милосердие и участие нужно ещё больше, чем другим, но далеко не у каждого хватит мужества и стойкости для такой работы* [Аграновский 2016].

Таким образом, в целом, рост и укрепление благотворительных НКО способствует развитию гражданского общества, но обратной стороной этого процесса является своеобразный аутсорсинг государственных функций, свидетельствующий о низкой дееспособности государства в этой сфере.

Обобщая результаты сравнительного анализа репрезентации третьего сектора в российских СМИ различной направленности, необходимо отметить усиление и развитие тенденции к разделению действующих в России некоммерческих организаций на «социально ориентированные» и «политически ориентированные». В этом контексте в предыдущих публикациях по проекту уже говорилось и о более общем тренде на выделение в третьем секторе «конструктивной и деструктивной» частей, т. е. той части, на которую власть готова «опереться», которой «можно доверять» и к которой будут прислушиваться, с одной стороны, и всех прочих (тех, кто стремится к расколу страны, «агентов влияния внешних сил»). Эти тенденции получили дальнейшее развитие в 2016 г. как в дискурсе, так и в политической и законодательной практике [Бардин, Кокарева, Михайлова 2016: 109–117, 115]. То есть *«...одной из важных задач нынешнего российского государства стало формулирование и формирование удобного для себя «гражданского» общества. В отличие от развитых демократий, где НКО обеспечивают коммуникацию граждан с государством — т. е. обратную связь, в России связь должна быть прямая: государство коммуницирует с гражданами удобным для него образом»* [Эппле 2016].

Аграновский Д. 2016. С утратой таких людей мир становится хуже. — *Советская Россия*. — 27.12.

Альтшуллер Б. 2016. Кто «заказал» НКО, тот «заказал» и Россию. — *Новая газета*. — 25.04.

- Барабаш О. 2016. Требуются полезные и человечные. — *Российская газета*. — 21.09.
- Бардин А.Л., Кокарева А.Н., Михайлова Е.В. 2014. Гражданское общество в дискурсе российских СМИ. — *Власть*. — № 12.
- Бардин А.Л., Кокарева А.Н., Михайлова Е.В. 2016. Гражданское общество в России: опыт сравнительного анализа. — *Власть*. — № 1.
- Буев М. 2016. Аполитичное гражданское общество. Благотворительность в России корректирует провалы государства. — *Ведомости*. — 28.11.
- Вишневский Б. 2016. Как «шьют» политику. — *Новая газета*. — 25.01.
- Выжutowич В. 2016. Волонтёры нам нужны? — *Российская газета*. — 15.12.
- Галимова Н.В. 2016. Кремле обсудят возможное сокращение числа «иностранных агентов». — *РБК*. — 21.11.
- Гранина Н. 2016. Нужда Отечества. — *Lenta.ru*. — 28.06.
- Дудчак А. 2016. Инкубатор ряженных. Так ли уж невозможен майдан в России? — *Советская Россия*. — 31.03.
- Железнова М. 2016. Стыдная тема. Борьба со СПИДом не укладывается в политику духовных скреп. — *Ведомости*. — 05.07.
- Замахина Т. 2016а. Комитет Госдумы одобрил законопроект о политической деятельности НКО. — *Российская газета*. — 18.04.
- Замахина Т. 2016б. Путин призвал Госдуму облегчить жизнь социальным НКО. — *Российская газета*. — 03.11.
- Зотова Н. 2016. «Мы просто исчезнем из поля зрения Минюста». — *Новая газета*. — 18.01.
- Исаев А. 2016. Социальные НКО. — *Российская газета*. — 18.08.
- Козлов В. 2016. Гранты без отчёта. — *РБК*. — 29.02.
- Корченкова Н., Гробман Е. 2016. Грантооператоры предпочитают патриотическое. Завершено распределение президентских грантов. — *Коммерсант*. — 28.12.
- Кром Е. 2016. Добрые дела по-русски: почему благотворительность остаётся «варварством». — *РБК*. — 11.07.
- Мартынов К. 2016. Граждане в отступлении. Печальная функция экспертов ОГФ свелась к тому, чтобы фиксировать эти потери. — *Новая газета*. — 21.12.
- Мухаметшина Е. 2016в. Давление властей на «иностранных агентов» усиливается. — *Ведомости*. — 27.05.
- Мухаметшина Е. 2016б. «Левада» остаётся агентом. Суд первой инстанции подтвердил законность включения «Левада-центра» в реестр иностранных агентов. — *Ведомости*. — 21.11.
- Мухаметшина Е. 2016а. Социологи выступили против причисления «Левада-центра» к иностранным агентам. — *Ведомости*. — 13.09.
- Олейник А. 2016. Капкан для государя. Социолог Антон Олейник об ошибках государя, пытающегося внушать страх. — *Ведомости*. — 02.10.
- Орлов П. 2016. Минюст объяснил признание «Левада-центра» иностранным агентом. — *Российская газета*. — 06.09.
- Осс Н. 2016. Возраст несогласия и дожития. Как дети стали важнее политики. — *Lenta.ru*. — 12.09.
- Политов Ю. 2016. Кириенко: Господдержка НКО повысит эффективность социальных услуг. — *Российская газета*. — 03.11.
- Полянин П. 2016. Историкомор, или война памяти. — *Ведомости*. — 08.04.
- Послание Президента Федеральному Собранию 01.12.2016. — *Кремль*. — Доступно: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>. — Проверено: 10.01.2017.

Редакция. 2016г. Госдеп призвал Россию немедленно отменить закон об иностранных агентах. — *Ведомости*. — 23.12.

Редакция. 2016з. Грант патриотизма. Какие проекты будут поддержаны бюджетными средствами. — *Коммерсант*. — 28.12.

Редакция. 2016в. Константин Косачев: «Левада-центр» получил более 300 млн рублей из-за рубежа. — *Коммерсантъ*. — 05.09.

Редакция. 2016б. «Левада-центр»: России грозит судьба резервации бедного агрессивного населения. — *Ведомости*. — 09.09.

Редакция. 2016ё. Отступление в диссиденты. Гражданское общество все больше работает «в стол». — *Ведомости*. — 21.11.

Редакция. 2016е. Пензенская НКО, борющаяся с ВИЧ, самоликвидируется из-за угрозы получить статус иностранного агента. — *Ведомости*. — 09.08.

Редакция. 2016д. Путин поручил «посмотреть ещё раз» на закон об иноагентах. — *Lenta.ru*. — 08.12.

Редакция. 2016ж. Путин распорядился дать НКО более 4,5 млрд рублей. — *Труд*. — 06.04.

Редакция. 2016а. Работа над патриотическим стоп-листом зарубежных НКО приостановлена. — *Lenta.ru*. — 28.11.

Репринцева Ю. 2016. В 2016 году сразу восемь борющихся с ВИЧ НКО признали «иностранными агентами». — *Новая газета*. — 21.12.

Романова С. 2016. Как благотворительные фонды управляют деньгами мелких жертвователей. — *Ведомости*. — 20.01.

Смирнов С. 2016. Жертвовать стали больше. — *Новая газета*. — 29.02.

Ушакова Д. 2016. Подали знак качества. — *Lenta.ru*. — 21.03.

Ушакова Д., Кориненко Е., Карпов М., Селезнев М. 2016. Соблюдать рост. Какие инструкции дал Путин в президентском послании. — *Lenta.ru*. — 01.12.

Хамраев В. 2016. СПЧ готовит определение в адрес Минюста. — *Коммерсантъ*. — 29.01.

Эйсмонт М. 2016. Социальный капитал агентов. Закон об «иностранных агентах» уничтожил десятки НКО, но не убил потенциал некоммерческого сектора. — *Ведомости*. — 24.11.

Эппле Н. 2016. Слишком политическое. — *Ведомости*. — 24.01.

Юдин Г. 2016. Картина станет веселее: Социолог Григорий Юдин о причинах и последствиях атаки на «Левада-центр». — *Ведомости*. — 06.09.